

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта.

ГЛАВА I.

Отправленіе и прибытіе на службу въ Конинь.

(Воспомяванія педагога).

Я окончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра, по историко-филологическому факультету, въ 1866 году. Послѣ сдачи послѣдняго экзамена и присужденія мнѣ диплома, я поспѣшилъ подать прошеніе о назначеніи меня на должность учителя гимназіи. Чтобы вѣрнѣе получить мѣсто, я подалъ прошеніе о предоставленіи мнѣ должности учителя одновременно въ нѣсколько учебныхъ округовъ. И такъ какъ раньше другихъ округовъ я получилъ отъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа назначеніе меня на должность учителя русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Царства Польскаго въ Конинское уѣздное педагогическое училище, то я и принялъ это назначеніе. Помню, что и товарищи и родственники мои были удивлены рѣшимостью моею ѣхать на службу на окраину Россіи и въ край, едва только умиротворенный послѣ возстанія; многіе изъ товарищей моихъ предсказывали мнѣ скорое бѣгство мое изъ Царства Польскаго обратно въ Кіевъ; но я прослужилъ въ этомъ краѣ 37 лѣтъ. Въ немалое смущеніе привело меня назначеніе въ г. Конинь; долго пришлось мнѣ искать мою резиденцію по картѣ: Конинь, находящійся въ 12 верстахъ отъ прусской границы и таможи Пайзернь, принадлежалъ въ то время къ уѣзднымъ городамъ Варшавской губерніи, а съ образованіемъ Калишской губерніи былъ причисленъ къ этой послѣдней.

Назначеніе на должность было получено мною 22 октября, а перваго ноября я покинулъ Кіевъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

Въ то время отъ Кіева до Варшавы желѣзной дороги еще не было и мнѣ предстояло совершить переѣздъ на перекладной, къ счастію, мнѣ представился случай совершить мой переѣздъ болѣе удобнымъ способомъ, въ омнибусѣ, привозившемъ въ Кіевъ какую-то высокопоставленную особу и возвращавшемся порожнякомъ въ Варшаву.

Хотя до назначенія меня на должность я не выѣзжалъ изъ Кіева за черту города, но переѣздъ мой отъ Кіева до Варшавы не оставилъ во мнѣ особаго впечатлѣнія и не былъ богатъ фактами: особое вниманіе мое привлекло мѣстечко Коростень, въ которомъ я искалъ слѣдовъ историческихъ событій и воспоминаній объ этой бывшей столицѣ древлянъ и дѣятельности энергичной княгини Ольги; еще обращалъ на себя вниманіе губернской городъ Житомиръ своею опрятностію, чистотою двухъэтажныхъ каменныхъ домиковъ, расположенныхъ на городской площади и главныхъ улицахъ, а также каменнымъ довольно обширнымъ гостинымъ дворомъ и своими церквами. Уже въ это время Житомиръ имѣлъ репутацію тихаго пристанища для отставныхъ чиновниковъ. Но болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на меня городъ Ровно: когда, при въѣздѣ въ городъ, я выглянулъ изъ омнибуса, то городъ представился мнѣ постигнутымъ наводненіемъ, при чѣмъ вода имѣла видъ густой, черной жидкости. При ближайшемъ наблюденіи оказалось, что всѣ улицы города, особенно площади, покрыты были густою, липкою грязью, высотой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полуаршина, такъ что колеса нашего омнибуса значительно погружались въ грязь и экипажъ двигался съ необыкновенною медленностію, едва вытаскивая колеса изъ грязи, особенно, если они попадали въ ухабы мостовой. Сожалѣю, что память моя не сохранила воспоминаній, какъ обитатели этого города совершали передвиженія по улицамъ и между домами; видимо я всецѣло былъ поглощенъ наблюденіемъ надъ плаваніемъ нашего экипажа по грязному морю и балансираніемъ его при погруженіи въ ухабы.

Хотя юго-западный край представлялъ и въ это время пеструю картину населенія, состоящаго изъ русскихъ, поляковъ и евреевъ, но во всемъ пройденномъ мною пути, отъ Кіева до Бреста включительно, чувствовалось нахожденіе въ предѣлахъ родного края, среди населенія, говорящаго по-русски;

чувствовались вездѣ русскіе административные порядки; но картина рѣзко измѣнилась, едва мы миновали Брестъ-Литовскъ и въѣхали въ мѣстечко Тересполь, лежащее на границѣ Царства Польскаго. Какъ при въѣздѣ въ иностранное государство, насъ подвергли таможенному осмотру, энергично допрашивали, не веземъ ли мы чаю, сахару, особенно табаку, засвидѣтельствовали наши паспорта, выдали намъ какіе-то пропускные листы, на непонятномъ для насъ польскомъ языкѣ, и только послѣ этого мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Это непривѣтливое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Царство Польское еще болѣе усилилось наблюденіемъ надъ мѣстнымъ населеніемъ: мѣстечко Тересполь утопало въ грязи не менѣе города Ровно, а населеніе его, состоящее преимущественно изъ евреевъ, представляло верхъ бѣдноты и неряшливости. Здѣсь я впервые видѣлъ настоящихъ евреевъ въ грязныхъ лапсердахъ, съ пейсами, и особенно поразили меня еврейки съ стриженными волосами и какими-то грязными, лоснящимися накладками на головахъ.

Варшава произвела на меня сильное впечатлѣніе: кромѣ Кіева, я другихъ большихъ городовъ не видѣлъ. Кіевъ же въ то время былъ малопредставительнымъ по внѣшности городомъ. Только правительственныя зданія, построенныя въ царствованіе императора Николая I, отличались монументальностію, своеобразностію и красотою стиля, да приводили каждого въ умильный восторгъ многочисленныя Кіевскіе храмы; частныя же зданія, воздвигнутыя, большею частью, по планамъ архитектора Берета, не отличались ни грандіозностію, ни красотою и представляли изъ себя одноэтажныя или двухэтажныя коробки, единственнымъ украшеніемъ которыхъ служили колонны на фронтальной части зданія, въ подъѣздахъ; при этомъ дома были неправильно разбросаны, между домами шли длинныя деревянныя заборы. †Даже въ лучшей части города, на Крещатикѣ, были одноэтажныя и деревянныя домики, иногда съ мезониномъ и высокимъ крыльцомъ со стороны улицы, какъ, напримѣръ, домъ, въ которомъ помѣщался книжный магазинъ Литова. Площади представляли изъ себя песчаные оазисы, а мостовыя на улицахъ, даже главныхъ, были только по срединѣ, по обѣимъ же сторонамъ ихъ шли песчаныя обочины, вплоть до кирпичныхъ тротуаровъ, огражденных отъ мостовой деревянными столбиками, на которыхъ въ торжественные дни разставлялись сальныя плашки, достаточно коптившія во время горѣнія. Кіевъ въ то время не отличался

многолюдствомъ населенія: въ немъ было въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ около ста тысячъ жителей, въ началѣ же пятидесятыхъ годовъ, какъ значится въ изданной департаментомъ народнаго просвѣщенія „Географіи Россіи“ Павловскаго, въ Кіевѣ было всего 47 тысячъ жителей.

Варшава была большой городъ, обстроенный на манеръ западно-европейскихъ городовъ. Трехъэтажные дома шли непрерывною линіей вдоль главныхъ улицъ; частные дома, правда, не отличались красотой стиля, но старинныя постройки, какъ, напримѣръ, дворцы польскихъ магнатовъ, обращенные въ правительственныя зданія, многочисленныя костелы, гостиницы, какъ напримѣръ Европейская, величественныя зданія правительственныхъ театровъ, Большого и Малаго, отличались и грандіозностью и разнообразіемъ стиля, какъ постройки разныхъ эпохъ и вѣковъ. Во внѣшнемъ отношеніи городъ отличался чистотою и порядкомъ: дома были подкрашены, на улицахъ стояли многочисленныя полицейскіе, въ чистыхъ форменныхъ мундирахъ; извозчики были парные и вполне приличные; улицы порядочно вымощенныя, безъ ухабовъ и песчаныхъ пустырей. Одно только безобразіе Варшаву, этотъ большой городъ не имѣлъ канализаціи и всѣ нечистоты изъ многочисленныхъ дворовъ, даже на главныхъ улицахъ, текли по рейнштокамъ, а на второстепенныхъ нечистоты выливались изъ дворовъ прямо на улицу, въ рейнштоки, которые представляли изъ себя небольшое углубленіе между оконечностями мостовой и тротуарами; по этимъ рейнштокамъ текли потоки жидкостей до того зловонныя, что непривычный человѣкъ, особенно по утрамъ, когда сторожами еще не промыты и не прочищены были эти текуція клоаки, не могъ пройти по улицѣ, не заткнувши носъ платкомъ. Это зловоніе достигало невѣроятныхъ размѣровъ на тѣсныхъ улицахъ, особенно въ старой части города, на такъ называемомъ Старомъ мѣстѣ, густо населенномъ бѣднотой, переполнявшей до верху оригинальныя средневѣковыя постройки, часто пяти и шестиэтажныя домики этой части города. Только въ концѣ Новаго Свѣта и на Уяздовской аллеѣ рейнштоки давали чувствовать себя менѣе. Но не смотря на это, Варшава была большой благоустроенный на европейскій ладъ городъ. Въ ней было свыше 240 тысячъ жителей и такъ какъ Варшава была соединена желѣзной дорогой съ Петербургомъ, Берлиномъ и Вѣной и стояла на перепутьи за границу, то коренное населеніе ея пополнялось десятками тысячъ проважаго народу, поэтому, сравнительно съ Кіевомъ,

Варшава была шумнымъ и живымъ городомъ. Неудивительно, что я, вышедши изъ гостинницы побродить по городу, заблудился, и долго искалъ свою Польскую гостинницу, въ которой я остановился.

Кстати упомянуть, что за номеръ въ Польской гостинницѣ, правда расположенный на третьемъ этажѣ, я платилъ два съ половиною злотыхъ въ сутки (37½ коп.); теперь эти номера идутъ по полтора и два рубля въ сутки. Варшава вообще отличалась въ то время дешевизною жизни. Такъ, обѣдъ во всѣхъ почти ресторанахъ, за исключеніемъ аристократическихъ ресторановъ, какъ, на примѣръ, ресторанъ Европейской гостинницы, стоитъ два злотыхъ (30 копѣекъ), а въ нѣкоторыхъ даже и 25 копѣекъ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ 4 блюдъ, подавались супъ или борщъ, не избѣжная „штука мяса“, съ хрѣномъ, горчицею и проч., т. е. отварное мясо изъ супа и борща, которое подавалось, какъ отдѣльное блюдо; далѣе слѣдовало „печень“ т. е. жаркое различныхъ сортовъ, „лягоминъ“, т. е. сладкое и въ заключеніе кофе. Въ кондитерскихъ стаканъ чаю или кофе стоило 5 коп., а въ трактирахъ стаканъ чаю стоилъ даже пентку (2½ коп.). Прислуги въ ресторанахъ и кондитерскихъ болѣе 5 коп. за услугу не давали, а теперь менѣе 15 коп. нельзя дать даже въ самыхъ посредственныхъ ресторанахъ. Правду сказать, прислугу избаловали мы, русскіе, привыкшіе задавать шикъ и бросать деньгами гдѣ нужно и не нужно. На сколько скромны были требованія мѣстной прислуги, подтвержденіемъ можетъ служить тотъ фактъ, что даже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно было найти кухарку съ платою по десять злотыхъ, т. е. по полтора рубля, въ мѣсяцъ.

Жизнь въ Варшавѣ была ключемъ, Варшава была веселый городъ, изобилующей массою развлеченій и удобствъ жизни; но проживаніе въ этомъ городѣ для русскаго человѣка не было особенно пріятно. И на меня Варшава произвела угнетающее впечатлѣніе въ первый же день пребыванія моего въ ней. Побродивши по городу, я зашелъ, по данному мнѣ еще въ Кіевѣ, указанію, въ ресторанъ Саксонской гостинницы, лучшей въ то время послѣ Европейской гостинницы, съ цѣлью пообѣдать. Въ ресторанѣ я увидѣлъ множество народа, среди котораго было много обѣдавшихъ офицеровъ. Скромно усѣвшись за одинъ изъ столиковъ, я обратился къ первому проходившему мимо меня лакею съ просьбою дать мнѣ обѣдъ, но лакей пробѣжалъ мимо меня, не обративши никакого вниманія на мои слова. Я обратился съ той же просьбою еще къ нѣсколькимъ лакеямъ,

проходившимъ мимо меня, которые также не удостоили меня своимъ вниманіемъ, я попробывалъ заявить свою просьбу громче, но и это не произвело никакого впечатлѣнія. Тогда, просидѣвши за столикомъ минутъ десять, я обратился къ ближайшему возлѣ меня офицеру съ просьбою объяснить, почему мнѣ не даютъ обѣда, не понимаютъ меня, что ли. Любезный офицеръ подзвалъ лакея и сказалъ ему: „тебѣ панъ проси о обядѣ“.— А, обядѣ, отвѣтилъ лакей и началъ приносить мнѣ обѣдъ. Можно ли допустить, чтобы въ Варшавѣ, въ ресторанѣ, гдѣ всегда обѣдаютъ масса военныхъ, нашелся бы челоуѣкъ, который не понялъ бы такого обыденнаго слова, какъ слово обѣдъ, и при томъ созвучнаго польскому слову, „обядѣ“, или который, наконецъ, не догадался бы, что лицо, пришедшее въ обѣденную пору въ ресторанъ и усѣвшееся за столомъ, требуетъ обѣда. До того еще сильна была ненависть поляковъ къ русскимъ, что они не хотѣли даже отвѣчать на вопросы, обращенные къ нимъ не по-польски. Несмотря на такое отношеніе къ русскимъ поляковъ, я все же съ удовольствіемъ провелъ въ Варшавѣ нѣсколько дней, побывалъ въ Большомъ театрѣ на балетѣ и въ Маломъ на драмѣ. Драматическій театръ въ то время процвѣталъ въ Варшавѣ; въ немъ подвизалась на сценѣ знаменитая польская актриса Модржеевская, которую я видѣлъ въ коронной ея роли Адрианы де Кувреръ, въ драмѣ того же наименованія, и которая, хотя я не понималъ по-польски, произвела на меня своею игрою сильное впечатлѣніе; кромѣ Модржеевской, польскую сцену украшали знаменитые актеры: трагикъ Круликовскій и комикъ Жулковскій.—Менѣе впечатлѣнія произвелъ на меня балетъ, въ которомъ подвизалась извѣстная въ то время польская балерина Холевицкая, бывшая не первой молодости, не отличавшаяся красотою и очень худая, за то коръ-де-балетъ блисталъ молодостью, красотою и граціей.

Отдохнувши въ Варшавѣ два дня, я отправился къ мѣсту своего служенія, въ Конинъ, куда и прибылъ 7 ноября. Путь предстоялъ мнѣ отъ Варшавы до Кутно по желѣзной дорогѣ, а отъ Кутно до Конина въ срочной почтовой каретѣ.

ГЛАВА II.

. Служба въ г. Конинѣ.

Конинъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Будучи уѣзднымъ городомъ, Конинъ по внѣшности могъ поспорить и съ нѣкоторыми губернскими городами, хотя онъ былъ неболь-

шой городокъ, имѣвшій не болѣе 7—8 тысячъ жителей. Вслѣдствіе близости къ прусской границѣ, Конинъ застроивался по заграничному типу: дома всѣ были каменные двухэтажные, безъ интерваловъ и заборовъ; городъ имѣлъ двѣ довольно обширныя площади, на одной изъ площадей находилась ратуша и главный костелъ. Городъ пересѣкала довольно широкая рѣка Варта; въ концѣ города находился чудный тѣнистый паркъ, принадлежавшій мѣстному монастырю. Зданіе прогимназіи не отличалось ни красотой, ни обширностью. Первое представленіе мое инспектору прогимназіи привело меня въ немалое смущеніе. Я поступилъ на службу вскорѣ послѣ усмиренія польскаго возстанія, когда еще не вполне было снято военное положеніе. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, русскіе чиновники не боялись обнаружить мѣстному населенію свою силу и власть, поэтому не только къ начальству, но и вообще къ каждому русскому человѣку и русскому чиновнику поляки относились со страхомъ и боязнью и видѣли въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, а особенно русскомъ чиновникѣ, наблюдателя за ними и крокодила, готоваго съѣсть ихъ. Такое впечатлѣніе произвелъ видимо и я на свое начальство, инспектора прогимназіи Соболевскаго, который встрѣтилъ меня не только любезно, но и робко; самъ снялъ съ меня мою баранью шубейку и самъ повѣсилъ ее на вѣшалку, чѣмъ привелъ меня въ великое смущеніе, когда я узналъ, что человѣкъ, совершившій такой актъ вѣжливости, былъ мой начальникъ. Но въ моментъ моего представленія мой начальникъ, кажется, перепуталъ наши роли: меня посчиталъ начальникомъ, присланнымъ надзирать за нимъ, а себя подчиненнымъ. Еще болѣе приниженный видъ имѣлъ мой предмѣстникъ, учитель русскаго языка Милковскій, глубокой старикъ, нѣсколько глуховатый. На мой вопросъ, что знаютъ по русскому языку мои ученики и какъ велось преподаваніе русскаго языка, учитель отвѣтилъ мнѣ очень неопредѣленно, при чемъ извинился, что хотя онъ преподавалъ русскій языкъ тридцать лѣтъ, но по-русски не говоритъ, а повелъ со мною бесѣду на польскомъ языкѣ. Это обстоятельство не мало удивило меня, но въ то же время и ободрило; если учитель Милковскій тридцать лѣтъ могъ преподавать русскій языкъ, не говоря по-русски, то тѣмъ болѣе я считалъ себя въ правѣ преподавать русскій языкъ, не говоря по-польски.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о первыхъ шагахъ моей педагогической дѣятельности въ должности учителя русскаго языка конинскаго уѣзднаго пятикласснаго педагогическаго

училища, я считаю необходимымъ очертить положеніе мое въ Конинѣ, какъ русскаго человѣка и русскаго чиновника.

Положеніе мое, какъ человѣка, оторваннаго отъ семьи и брошеннаго изъ родного города на край русскаго государства, въ среду населенія, относившагося въ то время ко всему русскому съ нескрываемою ненавистію, хотя — подъ вліяніемъ еще не вполне снятаго военнаго положенія — и работѣннаго предъ русскимъ чиновникомъ, было не изъ пріятныхъ. Это положеніе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во всемъ городѣ русскихъ чиновниковъ было всего два человѣка — уѣздный военный начальникъ Крыжицкій и я, если не считать состава Каргопольскаго драгунскаго полка, квартировавшаго въ то время въ Конинѣ. Командиромъ полка былъ князь Щербатовъ; полкъ считался аристократическимъ, жилъ широкою жизнію, держался особнякомъ и, конечно, не сходился съ двумя русскими чиновниками, о существованіи одного изъ которыхъ офицерство едва-ли знало. Исключеніе составлялъ только полковой священникъ отецъ Янкевичъ; священникъ былъ вдовый; слѣдовательно, въ городѣ оставался для меня одинъ семейный домъ — уѣзднаго начальника Крыжицкаго, относившагося ко мнѣ тепло и сочувственно и въ семействѣ котораго я могъ отводить душу отъ тоски одиночества, тѣмъ болѣе, что Крыжицкій оказался кievляниномъ и у насъ были общіе интересы и предметы воспоминаній. Квартированіе въ городѣ полка и существованіе, вслѣдствіе этого, полковой церкви, хотя и находившейся въ несоотвѣтственной для храма обстановкѣ, въ домѣ, гдѣ помѣщались также гостиница и ресторанъ, много скрашивали тоску одиночества и отчужденности отъ родины.

Мои товарищи по прогимназій были, большею частію, древніе старики, люди отяжелѣвшіе, неподвижные, несклонные къ другой жизни, кромѣ замкнуто семейной, по этому сойтись мнѣ съ ними семейно было бы не легко, да никто изъ нихъ не высказалъ мнѣ желанія ввести меня въ свою семью. Изъ преподавателей болѣе близко сошелся я съ учителемъ всеобщей исторіи и географіи Шлезингеромъ, воспитанникомъ Московскаго университета, развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, на столько прекрасно владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что при прощаніи со мною, по случаю перевода моего изъ Конина въ Калишъ, онъ написалъ мнѣ на память стихотвореніе на русскомъ языкѣ; кромѣ того, я сошелся съ учителемъ рисованія и чистописанія, способнымъ преподавателемъ, красивымъ и элегантнымъ молодымъ человѣкомъ Подольскимъ; оказывалъ

мнѣ еще большее вниманіе письмоводитель прогимназіи, очень часто посѣщавшій меня; но этотъ послѣдній, кажется, оказывалъ вниманіе преимущественно моему русскому гостепримству. Прочіе товарищи держались какъ-то отчужденно. Князь Богучкій и учитель математики Лакомый, оба отяжелѣвшіе субъекты, избѣгали сношеній со мною; учитель же естествовѣдѣнія принадлежалъ къ преподавателямъ, о которыхъ рассказываютъ столь невѣроятные анекдоты, что знакомство съ нимъ не имѣло никакой привлекательности; готовъ былъ сойтись со мною учитель нѣмецкаго языка Кэль, но препятствіемъ къ этому служило то обстоятельство, что Кэль, подобно гоголевскому Христіану Христіановичу, кромѣ нѣмецкаго языка, другого не употреблялъ; поляки товарищи не очень симпатично относились къ нему, какъ нѣмцу. Вообще же скажу, что отъ своихъ товарищей поляковъ я не испытывалъ явно враждебнаго отношенія; можетъ быть причиною этого была моя молодость и мое доброжелательное отношеніе къ людямъ вообще и къ полякамъ въ частности, съ политическимъ настроеніемъ которыхъ я еще мало былъ знакомъ и ихъ іезуитизма и коварства еще не имѣлъ возможности испытать на себѣ. Въ общемъ положеніе мое было если не безнадежно тяжелое, то монотонное и тоскливое. Какъ я въ своемъ одиночествѣ вспоминалъ счастливое время студенческой жизни, не крѣпкія, простыя и доброжелательныя товарищескія отношенія и какъ въ этомъ одиночествѣ мнѣ хотѣлось сдѣлаться студентомъ и снова пройти кругъ студенческой жизни! Единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ одиночествѣ служила для меня переписка съ университетскими товарищами и родными. Эта переписка была такъ часта, что сблизила меня съ завѣдывающимъ почтовымъ отдѣленіемъ чиновникомъ полякомъ, который дружелюбно относился ко мнѣ и часто посѣщалъ меня на дому.

Я прибылъ на службу 7 ноября, и особенно тоскливо тянулось для меня зимнее время; это настроеніе оказалось съ особенною силою съ наступленіемъ 1867 года, когда, по случаю реформы единства казначействъ, прекращена была выдача жалованья до 1 марта. Легко можно представить человека, занесеннаго силою судьбы въ далекій и чуждый край и очутившагося въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, даже безъ предварительнаго заблаговременнаго предупрежденія, безъ денегъ. Къ счастью, благодѣтелями въ этомъ случаѣ явились евреи, которые охотно, за хорошіе, конечно, проценты, снабжали мѣстныхъ чиновниковъ деньгами, пропорціонально жалованью cadaго,

въ надеждѣ навѣрное получить ихъ съ открытіемъ казначействъ. Лѣтомъ мое положеніе въ Конинѣ нѣсколько улучшилось: явилась возможность совершать прогулки въ окрестные лѣса и ближайшія мѣстности.

Мнѣ особенно памятна поѣздка въ мѣстечко Ляндекъ, находящееся верстахъ въ десяти отъ Конина. Въ эту поѣздку на меня произвелъ особенное впечатлѣніе осмотръ дивнаго костела, находящагося въ этомъ мѣстечкѣ. Этотъ костелъ грандіозныхъ размѣровъ, весь снаружи и внутри бѣлоснѣжный; внутри костела много свѣта; бѣломраморные алтари и цѣлые ряды мраморныхъ колоннъ и статуй святыхъ производятъ чарующее впечатлѣніе на посѣтителя. Въ Варшавѣ костеловъ я не посѣщалъ, и этотъ впервые видѣнный мною величественный католическій храмъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Не могу не вспомнить соединеннаго съ этимъ дивнымъ католическимъ храмомъ эпизода, о которомъ мнѣ рассказывалъ военный начальникъ Крыжицкій.

Во время возстанія главнѣйшіе акты дѣятельности повстанцевъ Конинскаго уѣзда проявлялись преимущественно въ окрестностяхъ мѣстечка Ляндекъ. Было извѣстно, что вождь повстанческихъ бандъ скрывается въ Ляндекѣ или вѣрнѣе въ находящемся въ немъ костелѣ; но администраторъ костела, его помощникъ и органистъ не внушали подозрѣнія и считались людьми болѣе или менѣе благонадежными.

Вслѣдствіе свѣдѣній, что начальникъ мѣстной повстанской организаціи скрывается въ Лянденскомъ костелѣ, въ немъ неоднократно производился самый тщательный обыскъ, но безрезультатно. Наконецъ въ осмотрѣ костела рѣшилъ участвовать самъ военный начальникъ Крыжицкій, и на этотъ разъ осмотръ увѣнчался успѣхомъ и преступникъ былъ найденъ въ самомъ костелѣ. У католиковъ есть обыкновеніе во время нѣкоторыхъ богослуженій, какъ, на примѣръ, въ великую пятницу, устраивать въ костелѣ нѣчто въ родѣ мистерій: такъ въ означенный день устраивается въ одномъ изъ отдѣленій храма, предъ алтаремъ, Геосиманскій садъ, устанавливаемый елками и искусственными цвѣтами и деревьями, въ большихъ кадкахъ, а также и тропическими растеніями. За окончаніемъ надобности подобныя декоративныя украшенія обыкновенно хранятся въ храмѣ, въ удобномъ для этого мѣстѣ. Такъ и въ Лянденскомъ костелѣ. Въ примыкающемъ къ храму коридорѣ, въ стѣнѣ, былъ устроенъ огромный шкафъ, въ которомъ и сохранялись въ высокихъ кадкахъ искусственные цвѣты и растенія. Каждый

разъ при обыскѣ въ костелѣ открывался этотъ шкафъ, и ревизующіе, увидѣвъ плотно, въ рядъ стоящіа кадки съ цвѣтами в деревьями, довольствовались осмотромъ шкафа на взглядъ, не допуская мысли, чтобы среди кадокъ, въ узкомъ шкафу, могъ спрятаться за цвѣтами человекъ; но Крыжицкій велѣлъ выставить изъ шкафа цвѣты, и тотчасъ показались ноги искусно прижавшагося къ стѣнѣ человека. Эффектъ былъ неожиданный! Обнаружилось, что главный доводца мѣстной повстанческой организаціи ночью руководилъ движеніемъ и давалъ соответственныя распоряженія, днемъ же скрывался на колокольнѣ Лянденскаго костела; при приближеніи же опасности въ видѣ оцѣпленія костела воинскими командами и осмотра всѣхъ его помѣщеній, онъ искусно, потайными ходами, пробирался въ коридоръ, въ которомъ находился упомянутый шкафъ съ цвѣтами и деревьями, и прятался въ немъ, рискуя задохнуться отъ недостатка воздуха.

Устроился я къ Конинѣ, въ смыслѣ квартирной обстановки, вполне удовлетворительно. Я нанялъ квартиру въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ Конинѣ, расположенномъ на городской площади, у богатой помѣщицы Б., очень красивой и интеллигентной женщины, имѣвшей милаго и благовоспитаннаго мальчика, состоявшаго ученикомъ четвертаго класса Конинской прогимназіи. Сношеній съ моей квартирной хозяйкой я никакихъ не имѣлъ, уплачивая квартирную плату черезъ прислугу; да, вѣроятно, моя красавица-хозяйка не имѣла расположенія ко всему вообще русскому и къ знакомству съ русскимъ человекомъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго случая, рассказаннаго мнѣ Крыжицкимъ.

Противъ дома, въ которомъ жила г-жа Б., находилась полковая церковь; вслѣдствіе этого всѣ парады происходили на площади противъ ея квартиры. Крыжицкій неоднократно замѣчалъ, что какъ только во время парада военный оркестръ начиналъ играть гимнъ: „Боже, Царя храни“, въ квартирѣ г-жи Б. мгновенно опускались на всѣхъ окнахъ шторы. Видя въ этомъ проявленіе демонстративныхъ чувствъ и желая проучить г-жу Б. и предостеречь ее отъ подобныхъ выходокъ, Крыжицкій во время одного изъ парадовъ, когда шторы на окнахъ ея квартиры опустились, послалъ жандарма въ ея помѣщеніе и поручилъ ему предложить г-жѣ Б. немедленно выйти на балконъ и прослушать исполненіе гимна. Хорошо еще, что дѣло происходило лѣтомъ и можно было выйти на балконъ въ комнатномъ одѣяніи.

Изобразивъ обстановку, въ которой я очутился въ Конинѣ,

и состояніе мѣстнаго общества, я долженъ приступить къ описанію моей педагогической дѣятельности и первымъ шагамъ ея. Но предварительно считаю долгомъ коснуться вопроса, насколько я былъ подготовленъ къ предстоящей мнѣ педагогической дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что ни гимназія, ни университетъ, хотя въ этомъ послѣднемъ и читался курсъ педагоги и дидактики, не давали практической подготовки къ педагогической дѣятельности. Я не только не былъ знакомъ практически съ методикой преподаванія предметовъ, но и самыя познанія мои по предметамъ, которые читались въ университетѣ, не соответствовали гимназическимъ программамъ и требованіямъ, ибо въ университетѣ чтеніе предметовъ отличалось большою спеціализаціей: ни по исторіи, ни по литературѣ весь предметъ не проходилъ, а читался только какой-нибудь періодъ или отдѣлъ; такъ, напримѣръ, профессоръ русской исторіи Ставровскій курсъ русской исторіи ограничивалъ разборомъ источниковъ русской исторіи и періодомъ древней Руси до удѣльнаго времени включительно; географія, конечно, вовсе не преподавалась въ университетѣ. Большею полностію отличался курсъ русской словесности, излагаемый проф. Селинымъ, осмысленно и съ надлежащею полностію освѣщавшимъ явленія русской литературы древняго и новаго періодовъ. Такимъ образомъ студентъ, вступившій по окончаніи курса въ университетѣ на педагогическую дѣятельность, не только не былъ знакомъ съ методами преподаванія предметовъ, но и самыя познанія его по предметамъ, преподаваемымъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не отличались ни полностію, ни законченностію. По счастливой случайности, я вступалъ на свое педагогическое поприще не безъ нѣкоторой подготовки. Такою подготовительною школою для меня служило репетиторство. Происходя изъ недостаточной семьи, я уже съ четвертаго класса гимназіи занимался репетиторствомъ. Въ бытность студентомъ, я имѣлъ иногда по три репетиціи въ день. Занятіе репетиторствомъ давало мнѣ возможность не только выработать приемы преподаванія примѣнительно къ возрасту и познаніямъ моихъ учениковъ, но и обогащало самого меня тѣми элементарными познаніями, которыми не мѣсто въ университетѣ, но которыя необходимы для преподавателя средняго учебнаго заведенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, занимаясь съ однимъ или двумя учениками, я имѣлъ возможность изучать ихъ характеръ, склонности и приспособляться къ ихъ индивидуальнымъ качествамъ. Кромѣ того, я почти въ теченіе года состоялъ преподавателемъ въ одной изъ кіевскихъ

воскресныхъ школъ. Такимъ образомъ я приступилъ къ своей педагогической дѣятельности уже съ нѣкоторымъ навыкомъ и опытностію, пріобрѣтенными, правда, самоучкою, безъ надлежащаго руководительства. Было еще одно счастливое обстоятельство, которое дало мнѣ возможность познакомиться съ приемами и методами преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Кіевѣ, по инициативѣ попечителя Кіевскаго учебнаго округа Ѳедора Ѳедоровича Витте, въ 1863 и 1864 годахъ, во время каникулъ, состоялся при университетѣ св. Владиміра многолюдный съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности среднихъ учебныхъ заведеній округа. Въ то время преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ шло шаблонно, не было у преподавателей выработанныхъ методовъ даже въ кіевскихъ гимназіяхъ, за немногими исключеніями. Если такъ шло преподаваніе въ губернскомъ городѣ и центральномъ пунктѣ округа, то легко представить, какіе педагогическіе экземпляры можно было встрѣтить на провинціи въ какомъ-нибудь Новгородѣ-Сѣверскѣ или Бѣлой Церкви, гдѣ и какую-нибудь книгу, кромѣ учебной, съ трудомъ можно было найти; поэтому, мысль Витте созвать въ Кіевѣ съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для выработки методовъ и программъ преподаванія русскаго языка и словесности была очень счастливой и плодотворной. Засѣданія съѣзда были доступны для студентовъ. Я усердно посѣщалъ всѣ засѣданія съѣзда. Интересны были эти съѣзды какъ по существу ихъ, такъ и по наблюденіямъ надъ педагогическимъ персоналомъ, которому ввѣрено было преподаваніе такого важнаго предмета, какъ русскій языкъ. Среди преподавателей, особенно провинціальныхъ, встрѣчались экземпляры не только ахраическіе, но и по истинѣ замѣчательные по своей отсталости и шаблонности въ преподаваніи. Въ то время въ гимназіяхъ преподавалась теорія прозы и поэзіи по знаменитому Зеленецкому, учебниковъ же русской литературы подходящихъ и совсѣмъ не было, такъ что преподавателю приходилось самому работать надъ изученіемъ произведеній русскихъ авторовъ и извлекать изъ такого изученія соотвѣтственныя гимназическому пониманію литературныя данныя.

Неудивительно, что большинство преподавателей ограничивались, въ лучшемъ случаѣ, толкованіемъ такихъ учебниковъ, какъ теорія прозы и поэзіи Зеленецкаго или теорія словесности Мицина; въ большинствѣ случаевъ преподаваніе словесности

ограничивалось задаваніемъ по учебнику „отъ сюда“—„до сюда“, а изученіе исторіи русской литературы состояло въ передачѣ краткой біографіи поэта и перечисленіи его произведеній, въ рѣдкихъ случаяхъ съ передачею содержанія главнѣйшихъ изъ нихъ. Легко представить, какимъ открытіемъ Америки было для многихъ преподавателей, особенно провинціальныхъ архаическаго типа, чтеніе на сѣздѣ болѣе передовыми преподавателями рефератовъ о методахъ преподаванія русскаго языка и словесности, чтеніе примѣрныхъ уроковъ русскаго языка и словесности, указаніе на необходимость ознакомленія учащихся съ самыми произведеніями изучаемыхъ авторовъ и извлеченія историко-литературныхъ данныхъ изъ разбора преподавателемъ этихъ произведеній въ классѣ, при активномъ участіи воспитанниковъ. Я никогда не забуду той искренней и пламенной исповѣди, съ которою одинъ изъ старыхъ провинціальныхъ педагоговъ обратился, при закрытіи сѣзда, съ выраженіемъ признательности къ предсѣдателю и иниціатору сѣзда, попечителю Витте, за устройство сѣзда, давшего преподавателямъ возможность не только ознакомиться съ методами и приѣмами преподаванія, но и пріобрѣсти свѣдѣнія, которыми они не могли обогатить себя по неимѣнію къ этому вспомогательныхъ средствъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они состояли на службѣ десятки лѣтъ. Скромный ораторъ чистосердечно сознался, что до сѣзда онъ въ своей педагогической дѣятельности бродилъ въ темнотѣ и только во время сѣзда прозрѣлъ, обогатился свѣдѣніями и ознакомился съ наглядными и доступными пониманію учащихся способами преподаванія предмета. Полезное и благотворное значеніе имѣло для меня посѣщеніе этихъ засѣданій сѣзда. Вотъ та практическая и теоретическая подготовка, съ которой я началъ свою педагогическую дѣятельность.

Приступаю къ первымъ шагамъ моей педагогической дѣятельности въ Конинскомъ уѣздномъ училищѣ, или, какъ оно носило титулъ, въ конинскомъ уѣздномъ пятиклассномъ педагогическомъ училищѣ, хотя въ мое время оно состояло изъ четырехъ классовъ, такъ какъ пятый, педагогическій классъ, былъ закрытъ раньше.

Главное затрудненіе въ моей педагогической дѣятельности состояло въ томъ, что такъ какъ въ то время всѣ предметы, кромѣ русскаго языка, исторіи Россіи и географіи Россіи и Царства Польскаго, преподавались на польскомъ языкѣ и мой предшественникъ, учитель русскаго языка Милковскій, не владѣлъ русскимъ языкомъ, то мои ученики ничего не знали по-русски.

а я не говорилъ по-польски и даже не вполне понималъ польскую рѣчь. По повѣркѣ мною познаній моихъ учениковъ оказалось, что они умѣютъ читать по-русски, но буквально на каждомъ словѣ дѣлаютъ ошибки въ удареніи и мало понимаютъ прочитанное. Много пришлось мнѣ положить труда для выясненія учащимся значенія русскихъ словъ; еще болѣе требовалось труда научить учениковъ правильно произносить слова по удареніямъ. Изъ дѣтства усвоенная учащимися привычка ставить, согласно польской грамматики, ударенію на предпоследнемъ слогѣ влекла ихъ невольно примѣнять это правило и къ русскимъ словамъ. Съ особенною силою оказывалась эта привычка въ словахъ однозвучныхъ въ русскомъ и польскомъ языкѣ, какъ на примѣръ: вода по-польски и водá по-русски, бяда по-польски и бѣда по-русски. Десятки разъ приходилось поправлять неправильно произнесенное удареніе, и ученикъ все-таки повторялъ свое вода; это страшно утомляло учителя, а подѣ часъ и раздражало. Учителю приходилось непрерывно говорить и для большей вразумительности усиливать интонацію голоса. Такая работа особенно была тяжела, если при томъ учителю приходилось имѣть много уроковъ. Только впоследствии установлено было для учителя русскаго языка опредѣленное число уроковъ, сперва восемнадцать, а потомъ пятнадцать. Въ началѣ же реформы, когда въ полной гимназій полагалось всего два учителя русскаго языка, которые обязаны были преподавать русскій языкъ и словесность, русскую исторію и географію Россіи и Царства Польскаго, учителю приходилось иногда имѣть отъ 24 до 30 уроковъ. Послѣ четырехъ—пяти уроковъ усиленной горловой и умственной работы учитель приходилъ домой совсѣмъ разбитый.

Такимъ образомъ всѣ занятія мои въ классѣ первоначально ограничивались чтеніемъ русскаго текста, толкованіемъ словъ, пересказомъ по вопросамъ содержанія прочитаннаго и въ переводѣ русскаго текста на польскій языкъ и наоборотъ, что способствовало выясненію значенія русскихъ и польскихъ словъ. Письменные работы состояли, главнымъ образомъ, въ русской диктовкѣ. Первоначальные опыты этихъ упражненій представляли экземпляры ошибокъ въ правописаніи не только въ каждомъ словѣ, но и нѣсколькихъ ошибокъ въ одномъ словѣ. Изученіе грамматики, по необходимости, ограничивалось распознаніями частей рѣчи, склоненіями и спряженіями русскихъ словъ. Завершеніемъ письменныхъ работъ было составленіе учащимися примѣровъ на употребленіе падежей и спряженій и на различные виды предложеній.

Съ такими познаніями по русскому языку закончили мои ученики учебный годъ, а ученики четвертаго класса получили и установленныя свидѣтельства объ окончаніи четырехъ классовъ училища. Такъ какъ ученики мои отличались прилежаніемъ и поведеніемъ, то я только двухъ—трехъ человекъ въ 4 классѣ не удостоилъ удовлетворительной отмѣтки по русскому языку, остальныхъ же 25 человекъ призналъ заслуживающими таковой отмѣтки, ибо они сдѣлали все, что можно было сдѣлать въ теченіе года при данныхъ обстоятельствахъ, и не вина была учениковъ, если ихъ довели до четвертаго класса безъ надлежащихъ познаній.

Первый годъ моей службы окончился благополучно и мирно. Учащіяся разстались со мною дружелюбно: преподаватели и ученики четвертаго класса снялись общей группой, и ученики поднесли мнѣ фотографическій снимокъ съ собственноручными подписями—этой чести, въ дальнѣйшей моей службѣ, я удостоивался не часто. По окончаніи учебнаго года я отправился въ родной городъ Кіевъ на каникулы. Проѣзжая чрезъ Лодзь, я рѣшилъ явиться къ начальнику Калишской учебной дирекціи, имѣвшему мѣстопробываніе въ Лодзи, которому я еще не представлялся при отправленіи на службу, вслѣдствіе отсутствія его. Въ то время начальникомъ Лодзинской учебной дирекціи былъ простодушнѣйшій нѣмецъ и добрѣйшій человекъ, Эрнестъ Карловичъ Бергъ. Начальнику дирекціи тогда были подчинены всѣ учебныя заведенія въ губерніи, не исключая мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, которыя только въ 1873 году, съ введеніемъ Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій, выдѣлены были изъ ихъ вѣдѣнія. Вотъ почему я счелъ долгомъ представиться начальнику дирекціи. Первые слова, которыми меня встрѣтилъ Эрнестъ Карловичъ, былъ вопросъ: „какъ вамъ живется въ Конинѣ, не скучаете ли Вы“? Когда я выяснилъ Бергу, на сколько тяжело мое положеніе въ прогимназіи, гдѣ я являюсь единственнымъ русскимъ учителемъ и гдѣ въ самомъ городѣ нѣтъ русскихъ людей, Бергъ сказалъ мнѣ: „Ваше положеніе все же лучше, нежели положеніе бѣднаго Речинскаго въ Сѣрадзской прогимназіи; у Васъ въ городѣ квартируетъ полкъ, есть церковь; Речинскій же въ Сѣрадзѣ является единственнымъ русскимъ чиновникомъ; при томъ Сѣрадзь отвратительный городъ. Речинскій мнѣ сказалъ, прибавилъ Бергъ, что если онъ еще годъ пробудетъ въ Сѣрадзѣ, то онъ не ручается за свои умственныя способности. Онъ даже просилъ меня перевести его въ Конинъ“.

— Не жалеете ли Вы перейти на службу въ калишскую женскую гимназію? Тогда на Ваше мѣсто я переведу Речинскаго? Я изъявилъ полную готовность на такое перемѣщеніе и поблагодарилъ Берга.

Перемѣщеніе мое состоялось въ каникулы. Съ началомъ учебнаго года я заѣхалъ въ Конинъ только проститься съ товарищами и забрать свое несложное имущество. Переѣздъ между этими городами въ 54 версты я сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

III.

Служба въ Калишѣ.

Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія Калишъ послѣ Варшавы принадлежалъ къ числу наиболѣе благоустроенныхъ городовъ Привислинскаго края. Положеніе Калиша въ двухъ верстахъ отъ прусской границы не могло не вліять на его внѣшность и благосостояніе. Калишъ былъ обстроенъ на заграничный манеръ двухъ- и трехъэтажными домами, идущими сплошною линіей, безъ перерывовъ и заборовъ, и хотя боковыя улицы его были узки и извилисты, но это не лишало его красоты и оригинальности. Въ центрѣ города находился чудный паркъ, посрединѣ котораго проходитъ мелководная и не широкая рѣка Просна; паркъ содержался въ образцовомъ порядкѣ. Въ паркѣ расположено грандіозное зданіе бывшаго кадетскаго корпуса, которое занято было квартирою губернатора и нѣкоторыми присутственными мѣстами. Въ паркѣ находился небольшой, но изящный монументъ въ память союза, заключеннаго въ Калишѣ 25 марта 1818 года между Императоромъ Александромъ I и прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III. Такъ какъ Калишъ, со времени присоединенія его къ Россіи въ 1815 году, былъ административнымъ центромъ,—сперва воеводскимъ городомъ, а съ 1833 года губернскимъ, то въ немъ находились всѣ губернскія присутственныя мѣста, было значительное число русскихъ чиновниковъ и квартировавшихъ въ немъ войскъ. Начальникомъ Калишской губерніи былъ князь Голицынъ, державшій себя важно и мало сходявшійся съ мѣстнымъ чиновничьимъ міромъ. Въ этомъ городѣ была каменная православная церковь, прекрасный костелъ св. Николая и католическій монастырь; женская гимназія помѣщалась въ частномъ домѣ, мужская же гимназія имѣла собственное казенное зданіе, но была неудачно распланирована архитекторомъ, при постройкѣ ея въ половинѣ прошлаго столѣтія и такъ мало приспособлена къ нуждамъ учеб-

наго заведенія, что, по весьма распространенному въ Калишѣ преданію, поляки, вѣроломнымъ образомъ захвативъ очутившагося ночью на гимназической площади архитектора, разложили его предъ зданіемъ гимназіи и высѣкли за неудачное возведеніе храма науки. Въ городѣ была очень порядочная гостиница Пуша, въ залѣ которой была устроена сцена, на которой подвизались артисты заѣзжихъ польскихъ труппъ, такъ какъ въ то время ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Привислинскаго края, за исключеніемъ Варшавы, не было постоянныхъ труппъ и отдѣльныхъ театральныхъ зданій. Изъ провинціальныхъ городовъ раньше другихъ обзавелся театральнымъ зданіемъ Петроковъ, въ которомъ догадливый и практичный пивоваренный заводчикъ Шпанъ, устраивая для нуждъ завода ледникъ и погребъ для храненія пива, додумался до мысли, вмѣсто сооруженія надъ этими погребами не приносящей никакой пользы обыкновенной крыши—сперва устроить надъ ними каменный ящикъ, изображающій собою зрительный залъ съ ярусомъ ложъ, и затѣмъ поставить надъ всѣмъ зданіемъ покрывающую его крышу, вслѣдствіе чего получился одновременно и ледникъ и театр. Нѣсколько позднѣе построено было театральное зданіе въ Люблинѣ, а затѣмъ въ Кѣльцахъ, при Польской гостиницѣ. Другіе же губернскіе города и по настоящее время не имѣютъ театральныхъ зданій, за исключеніемъ Лодзи, въ которой имѣется прекрасный концертный домъ и нѣсколько неважныхъ театральныхъ зданій.

Кратковременное пребываніе мое въ Калишѣ въ должности преподавателя русскаго языка Калишской женской гимназіи, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе: и ближайшій мой начальникъ Данилъ Степановичъ Пономаревъ, инспекторъ мужской гимназіи, бывшій въ то же время и начальникомъ женской гимназіи, и русскіе товарищи по гимназіи, въ числѣ которыхъ одинъ, преподаватель мужской гимназіи Петръ Амфилохіевичъ Сотничевскій, бывшій моимъ школьнымъ коллегой по гимназіи и университету, приняли тепло и радушно. Въ Калишѣ по счастливой случайности большинство русскихъ педагоговъ были кіевляне; вслѣдствіе этого между нами существовали общіе интересы, и связующимъ насъ пунктомъ служили воспоминанія и событія, соединенныя съ роднымъ городомъ. Я былъ вполне доволенъ своею судьбою и совершенно неожиданно для себя чрезъ два мѣсяца былъ переведенъ въ Кѣлецкую мужскую гимназію; но еще не успѣлъ я получить отъ начальника Кѣлецкой учебной дирекціи извѣщеніе о моемъ

перемѣщеніи, какъ изъ округа послѣдовало новое распоряженіе о назначеніи меня вмѣсто Кѣлецкой гимназіи въ Петроковскую и о перемѣщеніи въ Кѣлецкую гимназію вмѣсто меня учителя петроковской гимназіи Х.

Обстоятельства такой служебной комбинаціи были для меня непонятны, но впоследствии они выяснились. Учителемъ русскаго языка въ Петроковской гимназіи состоялъ нѣкто Х—й, по происхожденію татаринъ, человекъ способный, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по исторіи татарскаго народа, но преданный пороку, который не допускается для расы, исповѣдующей ученіе Магомета, и усвоеніе котораго Х. можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что Х., происходя отъ предковъ татарскаго племени, настолько обрусѣлъ, что въ совершенствѣ усвоилъ и одинъ изъ главныхъ русскихъ пороковъ. Въ бытность учителемъ въ Петроковѣ Х. однажды проявилъ свою натуру настолько оказательно, что явилась необходимость перевести его изъ Петрокова. Когда я, по прибытіи въ Петроковъ, представлялся губернатору Коханову, онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: „Вашъ предмѣстникъ скомпрометтировалъ званіе русскаго педагога“. Вамъ предстоитъ поддержать репутацію русскаго человека и русскаго педагога. Оказалось, что, когда попечителю Витте было донесено объ эпизодѣ съ Х., то онъ рѣшилъ перевести въ Петроковъ учителемъ русскаго языка человека, на котораго онъ могъ бы положиться, что тотъ поддержитъ репутацію русскаго педагога, поэтому онъ предназначилъ къ переводу въ Петроковъ учителя Калишской мужской гимназіи Петра Амфилохіевича Сотничевскаго, брата лично извѣстнаго ему по Кіеву доктора Сотничевскаго; но такъ какъ учитель Сотничевскій просилъ оставить его въ Калишѣ, то вмѣсто Сотничевскаго попечитель назначилъ меня возстановлять репутацію русскаго педагога. Въ Петроковѣ я прослужилъ почти семь лѣтъ. Такая довольно продолжительная служба въ Петроковѣ дала мнѣ возможность ближе познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ и условіями жизни русскихъ людей въ польской средѣ, а равно и съ тѣми мѣрами, которыя мѣстная администрація употребляла для водворенія въ краѣ русскихъ порядковъ. Время пребыванія моего въ Петроковѣ также совпало съ началомъ и завершеніемъ реорганизаціи мѣстныхъ учебныхъ заведеній по типу общеимперскихъ учебныхъ заведеній и ихъ руссификаціей.

В. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).